

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ Б. БУЗАНА И О. УИВЕРА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Володькин А. А., кандидат историч. наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, andrei_va@tut.by

В статье рассматриваются возможности применения теории секьюритизации Б. Бузана и О. Уивера для анализа формирования внешней политики трех балтийских государств в постсоветский период. Автор обосновывает актуальность данной темы для определения места Беларуси в современной международной политике, дает краткую характеристику основных положений теории секьюритизации и ее места в современной теории международных отношений, а затем анализирует основные цели внешней политики государств Балтии и стратегии их достижения на основе данной теории.

Ключевые слова: Государства Балтии; Литва; Латвия; Эстония; внешняя политика; теория секьюритизации; Б. Бузан; О. Уивер.

APPLICATIONS OF THE SECURITIZATION THEORY OF B. BUZAN AND O. WAEVER TO THE STUDY OF THE FOREIGN POLICY OF THE BALTIC STATES IN THE POST-SOVIET PERIOD

Valodzkin A., candidate of history, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, andrei_va@tut.by

The article reviews potential applications of the securitization theory proposed by B. Buzan and O. Waever to the analysis of foreign policy formulation in the three Baltic States during the post-Soviet period. We establish the relevance of the topic to the discussion of Belarus' place in modern international politics and provide a brief description of the main provisions of the theory of securitization and its place among the modern theories of international relations; we then proceed to analyze the main goals of the foreign policy of the Baltic States and their strategies to achieve them in light of the securitization theory.

Keywords: Baltic States; Lithuania; Latvia; Estonia; foreign policy; securitization theory; B. Buzan; O. Waever.

Говоря о месте Беларуси в меняющемся мире нельзя обойти стороной вопросы развития внешней политики ее ближайших соседей. Обретя, как и Беларусь, реальную независимость в 1991 г., три государства Балтии (Литва, Латвия и Эстония) столкнулись с теми же проблемами формирования основ своего национального суверенитета и включения в международную политику в условиях быстрого нарастания процессов глобализации и региональной интеграции, что и наша страна. Правда, были у наших государств и определенные различия. Так, в отличие от Беларуси, балтийские страны имели, пусть и достаточно короткий, но крайне важный для их формирования исторический опыт самостоятельного национального и государственного развития в 1920-х – 1930-х гг., который помог им в начале 1990-х гг. быстрее определиться с выбором внешнеполитических целей и

стратегий их достижения. Какие же факторы лежали в основе их выбора? И какие из существующих подходов и концепций современной теории международных отношений подходят для их объяснения?

Во всех школах теории международных отношений с момента возникновения данного научного направления центральное место всегда занимали вопросы международной безопасности. Однако подходы к изучению проблем международной безопасности и их влияния на формирование внешней политики государств претерпели в ходе длительной эволюции теории международных отношений существенную трансформацию. После завершения периода холодной войны и распада характерной для него биполярной системы международных отношений, традиционные реалистские и либеральные концепции международной безопасности дополняются целым рядом новых подходов, появление которых было связано с влиянием на изучение международных отношений конструктивизма и различных постмодернистских теорий. Эти новые подходы зачастую объединяют под общим наименованием «критического направления» в изучении международной безопасности, поскольку они поставили под сомнение многие идеи, на которых базировались традиционные концепции – существенно расширили само понятие безопасности и включили в сферу своего изучения не только сами угрозы безопасности и способы реагирования на них, но и процесс конструирования этих угроз в массовом сознании.

К этим новым критическим направлениям обычно относят Уэльскую (К. Бут, Р.У. Джонс) и Парижскую (Д. Биго, Дж. Агамбен) школы изучения международной безопасности. Но особое место среди новых подходов заняла Копенгагенская школа. Ее возникновение связывают с работами таких исследователей, как Б. Бузан и О. Уивер, которые значительно расширили традиционные рамки понятия международной безопасности. Представители этой школы ввели такие понятия, как «секторы безопасности» и «региональные комплексы безопасности». Под первым из них подразумевалась определенная сфера отношений, в которой осуществляются взаимодействия акторов. Исходя из этого выделяется пять секторов безопасности – помимо традиционной военной, также политическая, экономическая, социальная и экологическая [1, с. 7-8]. Что касается региональных комплексов, это понятие описывается, как некие единые региональные структуры, в пределах которых международные процессы настолько взаимосвязаны, что изучение и решение проблем их безопасности становятся невозможными вне контекста данной региональной структуры [1, с. 201].

Но, пожалуй, наиболее известным достижением Копенгагенской школы стала «теория секьюритизации». Ее основы были изложены в двух совместных работах Б. Бузана и О. Уивера – «Безопасность: новая структура для анализа» [1] и «Регионы и силы: понятие

международной безопасности» [2]. Эта теория раскрывает механизм целенаправленного конструирования образа угрозы в массовом сознании и его использование в государственной политике. Согласно ей, чтобы отнести ту или иную проблему к сфере безопасности, ее сначала нужно «политизировать», т.е. сделать широко обсуждаемой, а затем «секьюритизировать» – т.е. объявить «экзистенциальной угрозой» выживанию государства, нации, общества. Когда представитель государственной власти подчеркивает актуальность и значимость той или иной проблемы, он, тем самым, переводит ее в ранг угроз безопасности. И из этого вытекает правомерность использования любых мер для противодействия ей. Т.е. с помощью секьюритизации можно легко мобилизовать ресурсы для достижения своих целей и нейтрализовать рациональные контраргументы оппонентов. Правда, чтобы секьюритизация состоялась, ее актор должен обладать в обществе достаточным авторитетом – быть видным политиком, общественным лидером или признанным экспертом по вопросам безопасности. Кроме того, общество легче убедить в необходимости чрезвычайных мер, когда проблема ассоциируется с прошлыми бедами (например, в случае давней вражды с соседним государством).

Однако, ценность любой теории определяется теми возможностями, которые она предоставляет для анализа и объяснения реальных ситуаций и кейсов международной политики. Поэтому предлагается протестировать теорию секьюритизации на примере анализа развития внешней политики трех государств Балтии – Литвы, Латвии и Эстонии после восстановления их государственной независимости (т.е. в постсоветский период). Насколько известно автору, в русскоязычной историографии таких попыток пока не предпринималось. Что касается англоязычных работ, теория секьюритизации упоминается в качестве одного из четырех подходов к анализу развития внешней политики государств Балтии в статье Дж. Ламоро и Д. Гэлбрита [3].

Прежде всего, обозначим основные принципы, цели и этапы развития внешней политики трех балтийских государств в рассматриваемый период. Еще в период борьбы за восстановление независимости в 1989 – 1991 гг. национальные политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии сформулировали лозунг «возвращения в Европу». Он был тесно связан с их концепцией «восстановленной государственности» (или, как ее обычно называют российские авторы «оккупационной доктриной» [4, с. 31]). Согласно этой концепции, независимое развитие государств Балтии было насильственно прервано в 1940 г. их включением в состав СССР, которое нарушало нормы международного права и не было признано целым рядом зарубежных стран. На основании этого они объявили сам факт инкорпорации и последовавший за ним многолетний период советского правления незаконным. Логичным следствием такой аргументации становилось стремление к

восстановлению независимости, полному выходу из сферы российского контроля и созданию надежных гарантий от возможных попыток Москвы восстановить свой контроль над странами Балтии в будущем.

И единственной такой надежной гарантией политическим элитам Литвы, Латвии и Эстонии представлялась полная интеграция своих стран в системы коллективной безопасности западного сообщества и получение от него, таким образом, обязательств защиты этих стран от возможных недружественных действий со стороны России. Поэтому, как только в 1994 г. завершился вывод с территории государств Балтии российских войск, их лидеры объявили о твердом намерении добиваться полноправного членства своих стран в ЕС и НАТО. При этом, как отмечает директор Института политических наук и международных отношений Вильнюсского университета Р. Вильпишаускас, не только стремление к вступлению в НАТО, но и в ЕС аргументировалось, прежде всего, соображениями безопасности, а не рациональной выгоды [5]. Особую непреклонность балтийские политические элиты демонстрировали в вопросе о членстве в НАТО. Резкие возражения против их вступления в этот альянс со стороны России рассматривались, как лишнее доказательство ее враждебных намерений в отношении государств Балтии. Поэтому их не устраивали никакие иные варианты, кроме полноправного членства в НАТО – ни проведение политики нейтралитета, ни предлагавшиеся проекты формирования региональной балтийской системы коллективной безопасности вне рамок НАТО. Как указывали балтийские политики, эти варианты уже были испробованы и не помогли Литве, Латвии и Эстонии сохранить независимость в 1940 г.

Уже к середине 1990-х гг. среди системных политических партий Литвы, Латвии и Эстонии, которые могли достаточно жестко полемизировать друг с другом по вопросам внутренней политики, сложился устойчивый долгосрочный консенсус по поводу того, что именно вступление в эти два ведущих объединения западного сообщества должно быть стратегическим приоритетом и главной целью их внешней политики (в случае Литвы этот консенсус даже регулярно фиксировался специальными межпартийными соглашениями). Лишь отдельные мелкие и внесистемные партии (как правило, представлявшие национальные меньшинства) позволяли себе возражать против данного курса. При этом, как свидетельствуют данные многочисленных опросов населения, общественное мнение Литвы, Латвии и Эстонии демонстрировало куда меньшее единодушие по вопросам вступления в ЕС и НАТО, чем их политические элиты. Оно отличалось большими колебаниями и неустойчивостью, а также довольно высоким процентом неопределившихся респондентов. Ситуация стала меняться лишь в начале 2000-х, когда в преддверии референдумов о

вступлении в ЕС правительства развернули широкие информационно-пропагандистские компании в поддержку данного решения [5].

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. на достижение этих стратегических целей внешней политики были мобилизованы значительные ресурсы. Большие суммы (как из государственных бюджетов, так и из внешних источников финансирования) тратились на формирование национальных систем обороны в соответствии со стандартами НАТО и на глубокие структурные реформы в экономике, которые требовались для приема в ЕС. Примечательно и то, что в ходе переговоров о вступлении в эти объединения политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии проявили готовность существенно пересмотреть свое законодательство (например, в вопросах гражданства и размещения на их территории иностранных военных объектов) и пожертвовать значительными национальными интересами (например, согласиться на закрытие Игналинской АЭС) ради скорейшего принятия положительных решений об их приеме.

Кроме того, все отношения с партнерами на международной арене в этот период оценивались, прежде всего, с точки зрения того, способствовали ли они вступлению стран Балтии в ЕС и НАТО. Именно поэтому до середины 2000-х гг. практически не развивались контакты со странами СНГ, а в повестке регионального сотрудничества с соседними странами Северной Европы и взаимодействия с переходными государствами Центральной и Восточной Европы ключевое место занимали вопросы содействия подготовке Литвы, Латвии и Эстонии к вступлению в ЕС и НАТО.

Теперь посмотрим, насколько приведенные характеристики развития внешней политики государств Балтии укладываются в схему, описанную Б. Бузаном и О. Уивером. Очевидно, что политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии были единодушны в стремлении объявить вступление своих стран в НАТО и ЕС важнейшими вопросами обеспечения их национальной безопасности. Большую роль здесь сыграла также постоянная актуализация возможных угроз со стороны России и подчеркивание крайней уязвимости стран Балтии, если они останутся с этой угрозой один на один. Образы этих угроз активно использовались для оправдания максимальной мобилизации внутренних и внешних ресурсов ради достижения полноправного членства в НАТО и ЕС, и получения, таким образом, гарантии собственной безопасности со стороны Запада. Правда, процесс политизации этого вопроса имел свои особенности, так как вплоть до конца 1990-х гг. достигшие внутреннего консенсуса политические элиты не проявляли особого внимания к формированию должной общественной поддержки своего курса. Однако в целом данный пример достаточно убедительно подтверждает правильность теории Б. Бузана и О. Уивера.

Библиографические ссылки

1. Buzan B., Waever O., Wilde J. de. Security: A New Framework for Analysis. / B. Buzan, O. Waever etc. – Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. – 239 p.
2. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Waever. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 570 p.
3. Lamoreaux, J. W., Galbreath D. J. The Baltic States As ‘Small States’: Negotiating The ‘East’ By Engaging The ‘West’ // Journal of Baltic Studies. – Vol. 39, No. 1. – March 2008. – P. 1–14.
4. Воротников В.В. Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004-2012 гг. / диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности: 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая). – М., 2014. – 381 с.
5. Vilpišauskas, R. The Final Stage of the EU Accession Game: The Baltic States, Likely Victims of their own Success? / R. Vilpišauskas // A draft paper for the Eighth Biennial International Conference of the European Union studies Association, Nashville, Tennessee, March 27–29, 2003. – Vilnius: Institute of International Relations and Political Science, 2003. – 22 p.